

ФАУНА И ЭКОЛОГИЯ ПОЗВОНОЧНЫХ
ЖИВОТНЫХ

Сборник трудов

Под редакцией профессора А.В. Михеева

Москва

1978

В.М. Галушин

ГНЕЗДОВАНИЕ ХИЩНЫХ ПТИЦ В ОКРЕСТНОСТЯХ КАТРОМСКОГО
ОЗЕРА (ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛАСТЬ)

Хищные птицы Вологодской области ранее специально не изучались. Сведения об их встречах и находках гнезд рассеяны по немногим работам, затрагивающим авифауну отдельных ее районов, преимущественно южных (Рыбинское водохранилище, Кубенское озеро, окрестности Вологды).

Ниже излагаются результаты наблюдений за гнездованием некоторых хищных птиц на севере центральной части Вологодской области. Стационар площадью около 100 кв. км расположен на северо-западных склонах Харовской гряды, к югу от станции Пундуга, между рекой Сить на юго-западе и Катромским озером на северо-востоке. Систематические исследования по хищным птицам автор проводил здесь в сезоны 1972-1973 гг., нерегулярные - в 1974 и 1976 гг. Использованы также сведения о пернатых хищниках, полученные группой В.Т. Бутьева за 1970-1976 гг. В работах автора принимали участие студенты Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина (по 6-10 человек ежегодно): Л. Витлин, Е. Гладкова, Е. Гора, О. Малых, Е. Мигунова, Т. Михайлова, А. Эчкалов, Г. Журухина, Т. Чибисова, А. Шубкина, И. Янгичер и др. Наша база располагалась в деревеньке Малая у доброжелательной П.А. Шахорой.

Район исследований входит в полосу южной тайги, вблизи перехода ее к тайге средней. Коренные ельники, нередко сильно заболоченные, почти нацело замещены вторичными смешанными лесами с преобладанием ели, березы, местами осины и сосны. Леса изрежены обширными вырубками разного возраста и сырыми полянами. Сельскохозяйственные угодья (главным образом луга и выгоны), окружающие небольшие деревеньки, занимают примерно 25-30% площади стационара.

В гнездовое время на стационаре зарегистрировано 14 видов хищных птиц. Пять редких видов: кобчик, луговой и степной луны, белохвост и скопа - включены в специальную статью В.Т. Бутьева об орнитологических новинках Вологодской области (см. настоящий сборник) и в последующих видовых заметках не рассматриваются (кроме скопы). Единственное визуальное наблюдение дербника лесным 1972 г. на юго-западном берегу Катромского озера нельзя

считать достаточным основанием для включения его в состав гнездовой орнитофауны. Сведения об остальных 10 видах гнездящихся здесь хищных птиц изложены в предлагаемых очерках.

Чеглок (*Falco subbuteo*). Характерный обитатель опушек, примыкающих к обширным открытым пространствам: будь то естественные луга, сельскохозяйственные угодья или озеро. Поляны и вырубki среди леса не занимает. Причина этого, возможно, в привычке чеглоков к охоте над открытой территорией значительной (не менее 1-2 км) протяженности. Не исключено, впрочем, и прямое влияние дефицита гнездового фонда: основные его поставщики - серые вороны - избегают садиться в глубине лесных массивов даже у полян и вырубок.

На ю-в. побережье Катромского озера (в пределах станицы - протяженностью около 10 км) ежегодно обитает 3 пары чеглоков. Два участка (Ч-1 и Ч-2) соприкасаются и даже частично перекрываются в районе Монастырской поляны. Здесь 31.05.73 после полудня мы наблюдали 3-х чеглоков, охотившихся за стрекозами. Они кружили на высоте 100-150 м над берегом и прибрежными сплавиными, иногда резко (наподобие летучих мышей) бросаясь вниз и схватывая лапами стреков. Добыча тут же в воздухе поедалась. Чайки и крачки на чеглоков в это время совершенно не реагировали. При наблюдениях 18.07.72 безразличие крачек к чеглоку еще четче проявилось по контрасту с их яростными атаками летавшей поблизости скопы. Оба хищника кружили на значительной высоте (порядка 80-100 м). Это обстоятельство представляется немаловажным, ибо тот же чеглок, пролетающий низко над сплавиными (на высоте 20-30 м) был немедленно атакован и крачками, и гнездящимся большим крошачем (наблюдения ранним утром 31.05.73). Видимо, применительно к разным по размерам пернатым хищникам наземно-гнездящиеся птицы имеют разный высотный потолок защиты территории. В отношении чеглока эта граница у чайковых и куликов не простирается, вероятно, выше 50-70 м.

Гнездовой участок пары Ч-2, живущей возле Монастырской поляны, вдоль берега тянется на 1-1,5 км, вглубь леса простирается примерно на 2 км (несколько встреч на обширной системе так называемых Меридианальных вырубок и ю-в. от озера); над водой чеглоки летают, как правило, не далее 0,5 км от береговой линии.

Таким образом максимальная протяженность общей гнездовой территории наиболее часто наблюдаемой пары — около 3 км, примерная ее площадь — 200-300 га.

Третий участок (Ч-3) располагался в 2-3 км к ю-в. в узкой (шириной около 100 м) гриве низкого сосняка между обширными сплавиными южной части озера и верховыми сфагновыми болотами с чашками сосенками. Здесь 8.6.73 найдено гнездо, по всей вероятности, жилое, почти в самой вершине 17-метровой сосны. Судя по внешнему виду, гнездо было сооружено воронами в 1973 г. Самец начал беспокоиться, увидев группу студентов примерно в 200 м от гнезда. Самка присоединилась к нему через 5-7 минут. Птицы громко кричали, присаживались на соседние деревья и успокоились, лишь когда группа удалилась на 100-150 м. Содержимое гнезда обследовать не удалось.

Пара чеглоков (Ч-4) облюбовала территорию в самом центре нашего стационара (т.е. примерно в 7 км от трех приозерных пар), где на окруженном с трех сторон лесом пространстве лугов и полей площадью около 4 кв. км разместилось несколько небольших деревьев. Чеглоки отмечались здесь ежегодно, устраивая гнезда на ю-в. заболоченной опушке неподалеку от железной дороги (обнаружить их ни разу не удалось). Охотятся почти по всему открытому пространству над лугами, кустарниками и возле домов. Общая гнездовая территория этой пары составляет, таким образом, около 400 га. Вечером 10.6.73 чеглок из пары Ч-4 охотился на чибисов в ю-в. части центральной долины близ деревни Горка. Он появился из близлежащего ельника, быстро набрал высоту около 50 м и по наклонной, с заметным ускорением пошел в атаку на чибиса, летевшего в 2-3 м от земли. Промажнувшись, вновь набрал высоту в 30 м, но чибис к этому моменту уже вышел из опасной зоны, подвигнувшись на 20-30 м. Отдохнув 5-7 мин. на сухом дереве, чеглок снова взвился на 50-метровую высоту и снова безуспешно атаковал пару беспокоящихся чибисов. Как и в первом случае, они избежали удара хищника, уходя вверх. Неудачная охота продолжалась около 20 минут, после чего чеглок покинул участок чибисов.

Еще по одной паре чеглоков (Ч-5 и Ч-6) гнездятся на крайнем ю-в. (на опушке пойменных лугов вдоль речки Пундуга, в 3-4 км от центральной пары Ч-4) и в ю-в. углу стационара (близ де-

реки Чернуха в долине реки Сить, в 7 км от пары Ч-4). По каждой из них отмечались лишь единичные встречи взрослых птиц.

Всего на территории стационара (100 кв.км) в годы наших исследований обитало 6 пар чеглоков с плотностью около 8 пар на 100 кв.км лесных угодий. На каждую гнездящуюся пару приходилось 4-5 кв.км открытых угодий. Близость последней величины к размерам охотничьих участков чеглока (300-400 га) может рассматриваться как некоторое свидетельство примерного соответствия плотности изученной популяции чеглоков экологической емкости угодий нашего стационара для этого хищника. Распределение чеглока нередко связывают с наличием колоний береговых ласточек - излюбленной его добычи. В пределах нашего стационара береговухи (как, впрочем, и другие ласточки) редки, а на западном побережье озера и вовсе отсутствуют. Тем не менее 5 из 6 учтенных пар приурочены именно к берегам озера или речным долинам, подтверждая тем самым приверженность чеглоков к окрестностям водоемов и вне связи с поселениями ласточек.

Обыкновенная пустельга (*Falco tinnunculus*). Гнездится только в двух участках стационара - на Центральной поляне и в ю-в. его углу у разрушенной ветряной мельницы в долине р.Сить. Вне стационара отмечены еще два участка гнездования пустельг - в 2-3 км к северу близ станции Пундуга и в 5-6 км к югу в нижнем течении р.Сить неподалеку от г.Харовска. Численность непостоянна. На Центральной поляне в ю-в. ее части возле железной дороги пара пустельг (П-1) поселялась ежегодно. При депрессии (1972 и 1976 гг.) и в некоторые годы с невысокой численностью мышевидных грызунов (например, в 1974 г.) она оставалась здесь единственной; в другие годы со средней численностью (1973 г.) и при изобилии полевых (1975 г.) обретала соседей - пару, занимающую вакантную восточную часть Центральной поляны у деревни Горки (П-2). Наблюдения за парой П-3 у мельницы фрагментарны, ее отмечали в 1973 г., но не видели в 1972 г. Пара П-1 охотилась, как правило, на заболоченной луговине площадью около 20 га, редко перелетая через железную дорогу. Охотничий участок пары П-2, пожалуй, более обширный - около 50 га.

Всего в пределах стационара ежегодно гнездится 1-3 пары обыкновенных пустельг с плотностью 1,5-4 пары на 100 кв.км лес-

ных угодий. На каждую пару приходится 10-30 кв.км открытых территорий, что в десятки раз превосходит обычные размеры охотничьих участков пустельг. Причин столь низкой численности пустельги в Вологодских лесах мы не знаем. Одно из возможных ограничений - малая доступность корма (даже в случае его изобилия) на быстро зарастающих высокими травами лесных полянах и вырубках. Есть определенная логика и в более общем толковании - тяготении этого лесостепного вида к иным, чем в Вологодской тайге, сочетаниям мелких лесных колков и обширных открытых пространств. Другими словами, Вологодские леса принадлежат к зоне пессимума ареала обыкновенной пустельги.

Ястреб-тетеревятник (*Accipiter gentilis*). Как и повсюду - редок. В пределах стационара отмечено две гнездовых территории, что составляет в среднем около 2,5 пар на 100 кв.км лесных угодий.

Местообитание одной пары (ЯТ-2) на ю-в. стационара в сырых, местами заболоченных ельниках близ д.Чернуха зафиксировано лишь по отдельным встречам этого хищника. Одна из них любопытна: 30.5.72 К.И.Андреев выманил здесь на пищик рябчика и, почти одновременно, ястреба-тетереви́тника.

Более известен нам образ жизни пары ЯТ-1, постоянно обитавшей близ Катромского озера. Собственно гнездовой участок занимал небольшой (площадью около 2 га) выступ мокрого захламленного смешанного леса в северной части Меридианальных вырубок всего в 1 км к ю-в. от Монастырской поляны на берегу озера. Здесь очень близко друг от друга - на расстоянии 30-70 м - обнаружено 3 гнезда, попеременно занимаемых в разные годы. Все они располагались у самой кромки леса - в 10-50 м от опушек. И на одинаковой высоте - 11 м от земли. В остальных гнезда различались самым существенным образом. Все три были устроены на разных деревьях: березе (1971 г.), ели (1972) и осине (1973). С использованием разной архитектуры ветвления: в обширной плоской чаще на 7 беззловых ветвей, в удобной мутовке изогнутого осиново-го ствола и трех его ответвлений, сбоку у ствола ели на нескольких горизонтальных ветках. И разных размеров: гигантское многоярусное сооружение, обитавшее в 1971 г., до 1,5 м в диаметре и до 1 м толщиной; типичное для тетереви́тника гнездо 1973 г.

(диаметр около 1 м, толщина 60 см); необычайно мелкое гнездо 1972 г. (диаметр 60-80 см, толщина менее 50 см). Гнезда 1972 и 1973 гг. были свежей постройки. Столь разительная несхожесть гнездовых сооружений одной пары может свидетельствовать (если исключить смену партнеров в эти годы) об ее этологической пластичности, отсутствии стойкого индивидуального стереотипа строительного поведения. Кроме упомянутой приверженности к опухам и к одинаковой средней высоте расположения гнезд (если это не случайно). Да еще, пожалуй, к веточкам ольхи, из которых сложена большая часть каждого гнезда. Впрочем, предпочтение ольхи в качестве строительного материала легко объяснить ее хрупкостью.

Характерная черта поведения пары ЯТ-I - скрытность и молчаливость. В день обнаружения гнезда (31.5.73) самка слетела с него без единого звука и только после того, как мы постучали по соседнему дереву. Впоследствии нам лишь изредка доводилось слышать короткие крики взрослых птиц, что заметно отличало их от тетеревиатников, наблюдаемых в Окском заповеднике, на западе Владимирской обл. и под Курском.

Пара плодовитая: в 1972 г. в кладке было не менее 3-х, в 1973 г. - не менее 4-х яиц. В первом случае гнездо было обнаружено поздно (17.7.72), когда на нем держались 2 хорошо летавших молодых, а в лотке сохранилось 1 яйцо - болтун. Во втором случае (31.5.73) в гнезде было 3 птенца (старшему 5-6 дней, младшему 2-3 дня) и 1 яйцо, также оказавшееся болтуном.

История вывода 1973 г. необычна из-за трагической гибели самки в самом начале выкармливания птенцов. Примерно через 2 недели после вылупления (7.6.73) на гнезде была найдена мертвая самка, погибшая 2-3 дня тому назад. Она была старая, крупная, снизу очень светлая с красивой тонкой поперечной струйчатостью (самец в этой паре, судя по визуальным наблюдениям, тоже старый). Вскрытие обнаружило дробовое ранение в зоб и бедро. По всей вероятности, браконьерский выстрел застиг самку вне гнезда (следов дроба на ветках не найдено), уже раненая она прилетела к птенцам и возле них погибла.

Утром 7 июня на гнезде лежало много добычи: чирок, два взрослых вяхиря, рябчик, слеток сороки, взрослый рябинник и пуховик дрозда, явно изъятый из гнезда. Чирок, вяхири, и, осо-

бенно, рябчик были частично съедены, остальные птицы не тронуты. Все три птенца были голодны, наблюдателя не боялись и, напротив, просили у него пищу. При посещении гнезда через 12 часов большая часть утренней добычи была съедена, птенцы пытались ее клевать, а наблюдателя уже боялись и принимали оборонительные позы. Но зоб был слегка наполнен только у старшего птенца, у остальных они были почти пусты. Одного (среднего) птенца взяли в лагерь выкармливать. Через день (9 июня) при подходе к гнезду с него молча слетел самец. Младший птенец погиб, видимо, от истощения. Старший был сыт. Судя по разорванным сухожилиям и переломанным костям свежего полусъеденного вяхиря, самец все же помогал птенцу кормиться, а небольшие кусочки мяса он мог отрывать и самостоятельно. Еще через десяток дней (19 июня) птенец ел безо всякой помощи взрослой птицы. В этот день за 12 часов наблюдений из укрытия (с 4 до 16 часов) самец лишь однажды (в 8.32) принес птенцу добычу (молодую ворону) и вскоре улетел с гнезда. Однако кормежка птенцу давалась, похоже нелегко — за 8 часов ворону ему удалось съесть только наполовину, к трапезе он приступал 9 раз (по 2-18, в среднем 7,5 мин. каждая) с длительными перерывами на отдых. В конце июля на этом участке видели благополучно вылетевшего молодого тетеревиатника. Таким образом, вопреки укоренившемуся мнению, самец и в отсутствии самки способен вырастить, начиная с возраста 12-15 дней, хотя бы одного слетка. Некоторые мелкие детали и косвенные признаки позволяют думать, что самец скорее помогал птенцу разрывать добычу, чем непосредственно кормил его, хотя на первых порах такое тоже возможно.

Трениж летательной мускулатуры (прыжки и интенсивный "полет на месте") птенец тетеревиатника начинал с возраста 20-23 дня. Средний птенец из того же выводка, получивший кличку "Белый", был успешно выкормлен в лагере и впоследствии передан в Московский зоопарк. Куски добычи он начал сам подбирать очень быстро (в 2-недельном возрасте), но разрывать даже небольшие птиц (дроздов) научился поздно — в возрасте 3-4 недель. Кормил птенца, главным образом, дроздами, воронами и чайками; изрядно он без энтузиазма съедал лягушку-другую, но от рыбы решительно отказывался.

Любопытное наблюдение на этом же гнезде проливает некоторый свет на функциональную роль зеленых веток, приносимых вплоть до вылета птенцов. В первые дни после гибели самки в лотке скопилось около десятка частично съеденных и целых тушек птиц, которые уже начали разлагаться. Именно в это время самец стал приносить много (до 5 за утро) веток, преимущественно осинowych, со свежей листвой, и прикрывать ими остатки добычи. Видимо, основное назначение зеленых веток на гнезде в период выкармливания птенцов - санитарное.

В 1974 г. и в последующие годы участок ЯТ-1 был вновь обитаем (встречи взрослых птиц и слетков, наличие свежих ошипов добычи и т.п.), т.е. уже на следующий сезон после гибели старой самки ее заменила новая.

Нападение тетеревиатника на стаю устроившихся на ночлег ворон (около 30 штук) и галок (50-70) нам довелось наблюдать вечером 11.7.72. Ястреб появился в 21 час 20 мин. над Центральной поляной с востока, со стороны озера (по всей вероятности из пары ЯТ-1). Он летел на высоте около 50 м прямо к группе высоких деревьев в д. Большой, по ветвям которых расселись вороны и галки. Поражаясь с ними, ястреб камнем упал в самую гущу стаи и затем опустился на землю (по всей видимости, промахнувшись). Галки и вороны подняли истошный крик и начали беспорядочно кружить над местом, куда сел ястреб. Через 1-2 мин. он взлетел без добычи и напрямик полетел назад к озеру. Галки и вороны с криком, но не атакуя хищника, а на почтительном расстоянии, потянулись следом. В этот вечер ночевка распалась, но впоследствии вновь воссоединилась.

Поскольку других тетеревиатников между озером и Центральной поляной нет, охотничий участок наблюдаемой пары простирается по крайней мере на 6-7 км. Центры гнездовых территорий ЯТ-1 и ЯТ-2 отстоят примерно на 12 км друг от друга.

Ястреб-перепелятник (*Accipiter nisus*). Численность его в пределах стационара намного выше, чем тетеревиатника, а наблюдений намного меньше, поскольку ни одного достоверно жилого гнезда мы не нашли. Обнаружить их труднее, чем у других обычных хищников. Основные тому причины - скрытность перепелятника, небольшие размеры гнездовых участков, обитание в мелколесьях и густых ельниках, мелкие гнезда, которые нелегко заметить даже

с расстояния 20-30 м. Косвенные признаки: встречи взрослых птиц и слетков, находки ранее занятых гнезд и ощилов добычи, - позволяют считать, что в пределах нашего стационара живет 8 пар перепелятников с плотностью около II пар на 100 кв. км лесных угодий. По большинству участков материалов едва достаточно, чтобы только наметить местоположение гнездовых территорий.

Небезинтересно расположение участка ЯП-I на северной опушке Меридианальных вырубок у Катромского озера - по соседству с гнездом ястреба-тетеревятника. Обычно принято считать (в т.ч. и в ряде публикаций автора), что перепелятник избегает селиться поблизости от своего более крупного собрата; в данном случае гнездовый участок пары ЯП-I целиком входил в охотничьи угодья тетеревятника, а расстояние между жилыми гнездами этих истребов вряд ли превышало 150-200 м. Об относительной безопасности проживания перепелятников рядом с грозным соседом в какой-то мере свидетельствует постоянство участка ЯП-I. В его пределах перепелятников отмечали в 1972, 1973 и 1976 гг.

Единственные два гнезда перепелятника (оба нежилые) были найдены на участке ЯП-8 в ю-в. части стационара. Оба располагались на краю согры - заболоченного ельника, в 200 м друг от друга на сухой и зеленой елях. Расположение типичное - сбоку у стволов на высоте 6 и 8 м от земли.

В участках ЯП-2, ЯП-3 и, особенно, ЯП-5 найдены ощилов добычи перепелятника на земле, на кочках, поваленных деревьях и небольших пнях. Среди собранных перьев удалось определить дроздов (в т.ч. белобровика и рябинника), лесного конька, зяблика, сорокопута-жулана, королька, пеночек и других мелких птиц. С конца июня в ощилах преобладали перья слетков, чаще всего дроздов.

Утром 23.5.72 нам довелось быть свидетелями атаки перепелятника на пары ЯП-7 на длиннохвостых синиц. У северной опушки одной из полян на полдороге от Красивого брода на р. Жаровке и мельнице была замечена парочка ополовников, прыгающих по кустам.

За десяток минут наблюдений они переместились метров на 30. Внезапно из-за елей восточной опушки, где синицы только что перепархивали, с высоты около 10-12 м сорвался самец ястреба-перепелятника, мелькнув всего в 10-15 м от

группы наблюдателей. Едва заметно повернувшись у самых кустов, он столь же мгновенно исчез. Синицы пронзительно заверещали. Мы подошли к кусту и увидели обеих синиц на веточках у самой земли. Они приглушенно вскрикивали, мелко дрожали и, обнятые ужасом, не покидали укрытия, даже увидев нас на расстоянии вытянутой руки. Улетели синицы через 5-7 мин. Вечером, возвращаясь от мельницы, мы на этой же опушке отметили, возможно, ту же самую пару длиннохвостых синиц.

30.6.72 видели перепелятника из пары ЯП-3 (на подпути от Центральной поляны к Катромскому озеру), который охотился у дороги на пеночку-трещотку. Улетел, увидев наблюдателей в 50-70 м. Нераспавшийся выводок хорошо летающих молодых перепелятников держался 15.7.72 в пределах гнездового участка ЯП-5 в ю-з. углу Центральной поляны на опушке заболоченного луга за железной дорогой.

Полевой дунь (*Circus cyaneus*). В пределах стационара гнездятся (возможно не каждый год) три пары, что составляет около 10 пар на 100 кв. км открытых угодий.

На сплавинах ю-з. части Катромского озера пару ПЛ-1 регулярно отмечали в июне-июле 1973 г. Здесь неоднократно видели охотящуюся на мелких птиц сайку, а однажды (23.7.73) над сплавиной кружила пара взрослых дуней. В 1972 г. полевых дуней на озере отметили только один раз (8.7). Быть может это связано с некоторыми перемещениями их гнездовья ближе или дальше от нашего лагеря на ю-з. берегу озера.

Постоянное местообитание пары ПЛ-2 - с-в. часть Центральной поляны, за околилами заброшенных деревушек Палкино и Дор. Здесь обе птицы почти ежегодно (в 1972, 1973, 1974 и 1976 гг.) отмечались над пастбищем, полями и зарослями кустарников. Обычно они охотились на площади около 200-300 га. Изредка самец появлялся в южной части Центральной поляны и даже на мокром лугу за железной дорогой, т.е. в 2-3 км от предполагаемого места их гнездования в бурьянах или кустиках подрастающей ольхи (в 1976 г. эти заросли были полностью раскорчеваны и перепаханы при мелиорации территории Центральной поляны и прилегающих ольшатников).

Пара ПЛ-3 занимала обширные, мелиорированные системой глу-

боких канав луга у разрушенной ветряной мельницы на ю-зап. стационара. В другие годы полевых луней у мельницы не видели.

Еще одна пара полевых луней жила в долине р. Пундога у с-з. границы стационара. Большая часть ее территории, включая вероятное местоположение гнезда, занимала пойму правого (северного) берега реки за пределами стационара, но изредка луни залетали охотиться и на луга левобережья. Судя по результатам 3-часовых наблюдений 16.7.72 за хищниками этого района, охотничий участок пары луней охватывал около 200 га пойменных лугов с редкими куртинами ивняков и ольшатников. Около 10-20% участка входило в границы нашего стационара.

Болотный лунь (*Circus aeruginosus*). Единственное в пределах стационара гнездовье болотных луней (БЛ-1) располагается на сплавинах южной части Катромского озера. Чаше их видели в 1973 и 1976 гг., реже - в 1972 и 1974 гг. Как и в случае с парой полевых луней, разная частота их встречаемости в разные годы могла быть следствием перемещения места гнездования на разные расстояния от постоянного пункта наших основных наблюдений на озере. Брачные игры этой пары наблюдали во второй половине дня 30.5.73 над сплавиной в 100 м прямо напротив нашего лагеря. На следующий день мы видели, как болотного луня, летавшего высоко (в 50-70 м) над озером, атаковали с громкими криками малые чайки, быстро отогнав его от колонии. Свежий оцеп на охотничьем участке болотного луня мы нашли лишь однажды (24.7.73): на кочке одной из сплавин в 200-300 м от нашего лагеря лежала горстка перьев и клюв бекаса.

За 2 года работы на Вологодском стационаре нам нередко приходилось наблюдать птиц почти с восхода солнца. Дневниковые записи свидетельствуют, что самый ранний охотник среди пернатых хищников нашего стационара - болотный лунь. 27.7.73 г., возвращаясь на лодке с ночной экскурсией по озеру, мы отметили болотного луня в 4.25. Он уже охотился, низко барражируя над росистыми сплавинами, когда белое зябкое солнце едва всплывало над северным горизонтом.

Черный коршун (*Milvus migrans*). За все годы наблюдений известны лишь единичные встречи коршуна на Катромском озере. Судя по направлениям полета отмеченных птиц, единственная гнез-

довая пара занимала с-з. берег озера, - возможно, даже севернее границы нашего стационара. Ближайшие места встреч других коршунов - река Кубена близ г.Харовска (примерно в 8-10 км к югу от нашего стационара) и окрестности Кум-озера (в 25-30 км к ю-з. от стационара). Искключительной редкости коршуна в озерно-речном районе центральной Вологодчины мы не нашли достаточно разумных объяснений.

Обыкновенный канюк (Buteo buteo). Неоспоримый доминант среди хищных птиц района исследований. По численности в полтора-два раза превосходит популяции следующих за ним субдоминантов (перепелятника, чеглока). На его долю приходится около трети суммарного населения пернатых хищников стационара, в пределах которого учтено не менее 12 гнездовых участков канюка, что составляет примерно 17 пар на 100 кв.км лесных угодий. Участки относительно равномерно распределены почти по всему изученному району. Свободные от гнездовых канюка лесные угодья подозрительно совпадают с наименее тщательно обследованными северо-восточными, южными и западными его окраинами. Отсутствие же канюков в достаточно посещаемых срединных частях восточной половины стационара между Центральной поляной и Катромским озером объяснимо, возможно, малой привлекательностью для пернатых хищников этих заболоченных густых лесов, почти лишенных обширных полей и крупных вырубок. В целом нельзя исключать гнездование еще 2-3 пар, оставшихся нам неизвестными в пределах стационара. Помимо того, некоторые участки канюков, расположенные на периферии стационара, отчасти входят в его границы. Нам известны по крайней мере четыре таких приграничных гнездовых участка.

Равномерное распределение канюка отнюдь не противоречит хорошо известному его тяготению к приопушечной полосе. Благодаря обилию полей и крупных вырубок, для стационара характерна мозаика чередования лесных и открытых угодий - излюбленных местобитаний канюка. На стационаре почти нет гнездопригодных лесов, удаленных от опушек, полей и вырубок далее 1,5 км. Все известные нам гнезда канюков располагались в приопушечной зоне шириной 1 км, из них большинство - в полукилometре от опушек.

Границы большей части соседних участков канюка соприкасаются или частично перекрываются. Такие перекрытия характерны

для крупных вырубок и полей, где охотятся пары, занимающие разные их опушки. Случаев агрессивного поведения соседствующих канюков в отношении друг друга не было замечено. Напротив, нередко мы наблюдали как три-пять птиц совместно и мирно кружили над приопушечными частями Центральной поляны, над системами обширных Горизонтальных и Меридианальных вырубок на востоке стационара. Открытая часть охотничьих угодий некоторых пар канюков незначительна: например, по две пары охотились над Меридианальными (около 200 га) и Горизонтальными (около 150 га) системами вырубок. При этом их охотничьи участки явно перекрывались. Обычные расстояния между примерными геометрическими центрами соседних участков — 1,5-2 км, редко до 3 км.

За время наших работ найдено 6 достоверно и 2 вероятно жилых гнезда, а также II необитаемых гнездовых построек. Предпочитаемая порода — ель (13 гнезд), реже используются береза (5 гнезд) и осина (1 гнездо). Такое распределение соответствует соотношению этих пород среди спелых древостоев, что для популяции в целом (но не для отдельных пар — см. ниже) не позволяет усмотреть избирательность в выборе гнездовых деревьев. Характер устройства гнезд, однако, разный на разных породах. На елях только два гнезда было сделано в тройной развилке, а остальные — II сбоку у ствола на довольно тонких, несколько наклоненных книзу ветвях. На березах и осине, напротив, только одно гнездо крепилось на боковых ветвях, а 5 гнезд располагались в капитальных развилках-чахах. Отсюда разная сохранность гнезд. На елях многие из них при наличии слетков частично разрушаются и несколько сползают по ветвям вниз уже к концу первого гнездового сезона, а большинство становится непригодными для гнездования и забрасываются через 2-3 года. Фундаментальные постройки в развилках-копусах на березах и осинах, как правило, исключительно прочны и почти ежегодно надстраиваются канюками. Такие гнезда постепенно становятся очень крупными и неоднократно используются хитниками для размножения.

Все найденные нами гнезда располагались низко над землей: на высоте всего 5-12 м (в среднем 8,2 м), причем выше 10 м были устроены только 4 гнезда (21%). Поблизости от стационара в километре от его восточной границы, т.е. у ю-в. берега Катромского

озера, автору довелось увидеть самое низкое в его практике достоверно жилое гнездо канюка - на высоте 4,5 м от земли. Гнездо было устроено в чашевидной развилке толстой березы. Хотя в десятке метров от него проходила тропа на деревню Лапушево, в 1970 г. в гнезде было 2 птенца, а весной 1971 г. кладка из 2-х яиц, впоследствии исчезнувшая.

Высота расположения гнезд над землей у вологодских канюков существенно (в среднем на 2-3 м) меньше соответствующих показателей на Окском и Владимирском стационарах. В первом случае эта специфика объяснима различиями породного и возрастного состава древостоев, поскольку в Окском заповеднике канюки чаще всего гнездятся на спелых высоких соснах. Но елово-березовые леса Вологодского и Владимирского стационаров в целом весьма сходны по доле в них спелых высокоствольных насаждений. В этом случае нельзя исключить различий в уровне фактора беспокойства: во Владимирских лесах летом бродит заметно больше людей, чем в Вологодских (кроме собственно берегов Катромского озера, где почти всегда есть рыбаки). При отсутствии беспокойства, гнезда, расположенные в нижней части кроны, имеют, пожалуй, некоторые преимущества: удобные пути подлета, лучшая защита от дождя и, к тому же, их меньше раскачивает ветром. Впрочем, для сколь-нибудь определенных заключений на этот счет сравнительного материала недостаточно, да и нет уверенности, что какие-то иные, неучтенные естественные факторы не определяют более убедительно подмеченные различия. Слн, тем самым, скорее повод для некоторых спекуляций (в изначальном, вполне пристойном смысле этого слова, по латыни, например, означающего умозрительное размышление) о возможных формах экологического ответа пернатых хищников на антропогенные воздействия.

Сказанное целиком приложимо и к условным показателям доступности и укрытости гнезд. Памытуя их очевидную субъективность, отметим все же, что по трехбалльной системе большинство обнаруженных гнезд канюка могут быть отнесены к плохо и средне-укрытым (гнездо видно с расстояния 30-50 м), а также к легко и средне доступным для человека (наличие ветвей в нижней части ствола позволяет подобраться к гнезду без специальных приспособлений). К хорошо укрытым и трудно-доступным могут быть отнесены лишь около четверти найденных на Вологодском стационаре

гнезд, что меньше, чем на Владимироком стационаре.

Сопоставление 9 гнезд, найденных в пределах участков Ка-2 и Ка-7, позволило уловить, быть может, индивидуальные склонности их владельцев. Все 5 гнезд участка Ка-7 были средних и небольших размеров, располагались только на елях и только сбоку у стволов, на высоте 7-11 м (в ср. 9 м). Все 4 гнезда участка Ка-2 были крупными, все устроены в чашевидных развиликах, на берегах (2), осине и ели (при том, что развилки стволов у елей встречаются очень редко), на высоте 5-9 м (в среднем 6,5 м). Биотопическое сходство рассматриваемых участков (преобладание ели с примесью березы и осины) ещё более подчёркивает гнездовую избирательность обитающих в них пар. На других участках было найдено по 1-3 гнезда, — мало, чтобы сравнивать их друг с другом.

Фенология гнездования канюка в какой-то мере прослежена на участке Ка-7 два года подряд. Гнездо Ка-7-72 (Ка-1 в полевых дневниках) найдено 24.5.72 с полной кладкой из 2-х яиц. Вылупление 2-х птенцов отмечено 7 и 9 июня. Младший птенец бесследно исчез между 19 июня и 4 июля, когда наблюдения не проводились. Старший слетел с гнезда, пообеспокоенный наблюдателем, преждевременно — утром 14.7, т.е. в возрасте 36-37 дней. На соседние деревья ему перелететь не удалось, и он спланировал на землю в 30-40 м от гнезда. Весь этот день, судя по крикам, слышимым во время дежурства, птенец и взрослые канюки держались поблизости от гнезда, но уже 16.7 они покинули участок.

Гнездо Ка-7-73 (Ка-4 в полевых дневниковых записях) обнаружено 3.6.73 также с полной кладкой из 2-х яиц. Вылупление 9 и 11 июня. Молодые покинули гнездо, вероятно, около 15-16 июля (18.7 возле пустого уже гнезда беспокоилась самка, 28.7 участок был оставлен). Вылет произошел в возрасте 35-37 дней.

В гнезде Ка-3-73 кладка из 2-х яиц была 1.6.73, 2 птенца вывелись 7-9 июня, вылет не прослежен. Гнездо Ка-1-72 (Ка-2 по полевым дневникам) с 2 молодыми было найдено поздно — 19.7.72, когда старший птенец спланировал на землю, заведя наблюдателя. Естественный вылет этого выводка — после 22.7. В эти же дни вылетели 2 молодых из гнезда Ка-2-3 (Ка-5 в полевых дневниках). 23.7.73 слетки держались на соседних с гнездом деревьях.

Судя по нашим небольшим материалам, размножение канюков в 1972 и 1973 гг. проходило довольно синхронно и в сходные сроки. Кладки приходится на конец первой-начало второй декады мая, вылупление птенцов происходит в десятидневке между 5 и 15 июня, вылет - между 15 и 25 июля.

Плодовитость и общая успешность размножения канюков в известных нам гнездах низкая. Три полные кладки содержали по 2 яйца, из которых вылупилось 6 птенцов. В 5 известных нам выводках вылетело 9 птенцов, т.е. в ср. 1,8 слетка на размножающуюся пару. Во всех гнездах под наблюдением отход яиц и птенцов отмечен лишь дважды: в подстилке гнезда Ка-1-72 уже в июле найдено яйцо-болтун, да в конце июня-начале июля 1972 г. из гнезда Ка-7-72 по неизвестной причине исчез младший птенец.

В специальной литературе, в том числе по хищным птицам, принято подразделение гнездовой территории на охотничий и собственно гнездовой участок. Последний часто, особенно в зарубежных публикациях, именуется охраняемой территорией. Но в этом случае правомочен уточняющий вопрос - охраняемой от кого? Многократные наблюдения и даже специальные опыты у гнезд канюка свидетельствуют, что более или менее постоянной границы охраняемого участка не существует. Расстояние от гнезда до нарушителя владений, при котором так или иначе проявляется беспокойная реакция обитателей участка, варьирует в широких пределах. Оно зависит от степени опасности вторженца, его намерений, направления движения или полета, этапа гнездового сезона, степени привыкания хищников к фактору беспокойства и, наконец, от индивидуальных особенностей поведения каждой пары.

Поясним это положение хотя бы на примерах отношения канюков к человеку. При подходе к гнездам мы отсчитали расстояние, на которое подпускает человека насиживающая или обогревающая птенцов самка. Поскольку момент слета потревоженной птицы, сопровождаемый, как правило, беспокойным криком, означает преодоление порога ее терпимости к нарушителю, уместно будет называть это расстояние "дистанцией толерантности". Самый высокий порог терпимости и, соответственно, наименьшая дистанция толерантности у самок в конце периода насиживания кладки и, особенно, в первые 2-3 дня после вылупления птенцов. В это время самка

сидит на гнезде настолько плотно, что допускает человека до гнездового дерева, слетая от постукивания по стволу или шума лезущего к гнезду наблюдателя. В остальное время дистанция толерантности по отношению к человеку у самки из пары Ка-7 была довольно стабильной - 25-30 м от гнезда. Любопытно, что именно такая дистанция выдерживалась и в 1972, и в 1973 гг., хотя гнезда Ка-7-72 и Ка-7-73 располагались в разных местообитаниях. Руководствуясь этим, мы оба года наши наземные наблюдательные укрытия располагали в 35 м от гнезда, что позволяло производить смену дежурств, не вынуждая самку покидать кладку или птенцов и не принося, тем самым, существенных помех в естественный жизненный ритм изучаемой пары. В экспериментальных подходах к гнезду, когда поведение самки контролировалось другим наблюдателем из укрытия, было достоверно установлено, что птица улавливает приближение человека гораздо раньше - на расстоянии 50-70 м. При этом она настораживается, вытягивает голову в направлении опасности, а затем, по мере ее приближения, вжимается в лоток, стремясь стать как можно незаметнее. Специфическую для пары дистанцию толерантности нарушают волчьи помехи: резкие движения идущего человека, рассматривание гнезда в бинокль, наличие в руках наблюдателя палки (похоже на ружье?), приближение группы и т.п. При экспериментальных проходах мимо гнезда самка пропускала наблюдателя ближе - в 15-20 м от гнездового дерева. Если человека в пределах участка первым обнаруживает самец, то под аккомпанемент его беспокойных криков самка слетает, как правило, раньше. Дистанция толерантности существенно возрастает - до 50-70 м - во второй половине периода выкармливания птенцов, когда самка не скована необходимостью защищать их от холода. Вопреки ожиданиям, самка не привыкала к регулярному, но безвредному посещению гнезда наблюдателями, дистанция ее толерантности по отношению к нам не сокращалась. Применительно к человеку размеры собственно гнездового (охраняемого) участка наблюдаемых канюков составляли, следовательно, 0,3-0,8 га. При удалении опасности от гнезда дистанция успокоения хищника увеличивается примерно до 100-200 м. При этом самка перестает беспокоиться первой, а самец с криками сопровождает удаляющегося от гнезда человека подчас на расстояние 0,5-1 км. Дистанция и время успокоения потревоженного хищника короче при выкармли-

вания птенцов, чем при насиживании кладки. Отдельные посещения других гнезд в целом подтверждают результаты систематических наблюдений на участке Ка-7. Чаще всего мы регистрировали дистанцию толерантности в 30-50 м.

Характер реакции канюков на человека в пределах гнездового участка менялся на разных этапах гнездового сезона. В целом птицы более молчаливы и скрытны во время насиживания кладки, более крикливы и смелы при наличии в гнезде маленьких птенцов. В это время они летают обычно низко и с громкими криками, часто присаживаясь на вершины соседних деревьев на виду у наблюдателей. Замечено также, что группы людей птицы боятся сильнее, чем отдельного наблюдателя. Проявляются при этом и некоторые индивидуальные особенности поведения: одни пары (Ка-7, например) крикливее и смелее, другие (Ка-1, Ка-2) тише и боязливей. Особенно удивила нас молчаливость канюков из участка Ка-3; за несколько посещений гнезда Ка-3-73 мы так ни разу не услышали их голоса, да и самих птиц видели мелькающими в отдалении. Кстати, у самки из этой пары зарегистрирована неикратчайшая дистанция толерантности: и в период кладки, и при наличии птенцов она слетала с гнезда, подпуская даже группу наблюдателей непосредственно к гнездовому дереву.

Наблюдениями из укрытия у гнезда Ка-7-72 установлены и некоторые другие различия поведения птиц до и после появления птенцов. Насиживающая самка ни разу не поедла приносимую самцом добычу на гнезде. Даже накануне выклева птенцов при появлении самца с добычей самка либо вылетала ему навстречу (1 случай из 5 прилетов с кормом за 32 часа наблюдений 5 и 6 июня 1972 г.), либо выхватывала ее из когтей едва присевшего на край гнезда самца и тут же, через 5-10 сек. летала есть на соседние деревья (4 случая). На короткое время отсутствия самки (от 4 до 23, в ср. 12 мин) самец в 4-х случаях из 5 оставался обогревать кладку. Но по истечении 8-10 мин. он начинал беспокоиться, ерзать в лотке и просителью покрикивать, будучи упрямившая самку сменить его на гнезде. При наблюдении у нас сложилось впечатление, что самка мгновенно улетает с гнезда с добычей, стремясь опередить в этом самца, который, оставшись один на один с кладкой как-то неумело и неуверенно усаживается ее

обогревать. Однажды самцу удалось ускользнуть перьям, и самка вынуждена была вернуться в пустое гнездо очень быстро.

На дежурствах с новорожденными птенцами (9, 10 и 12 июня) картина переменилась: самка почти всегда оставляла добычу на гнезде, поседая ее вместе с пуховиками. Более того, когда самец чуть задерживался на краю гнезда, самка начинала на него угрожающе кричать и даже неоднократно его клевала, будто прогоняя. Возможно, в этом ее поведении чрезмерно проявляется инстинкт защиты птенцов или опасения, что самец предполагает принять участие в предстоящей трапезе, или, наконец, оно означает просто требование новой добычи. Участия в кормлении птенцов самец ни разу не принимал. Степень привязанности самки к птенцам заметно менялась день ото дня. 9 июня она слетала с гнезда только трижды по 3 мин, 10 июня - 7 раз по 2-8 мин (в ср. по 3,5 мин), 12 июня - 12 раз по 2-9 мин (в ср. по 4 мин). 10 июня самка трижды улетала с гнезда с добычей. Один раз она слетала только что принесенную самцом личицу вне гнезда (2 мин, пока она отсутствовала, единственный раз птенцов обогревал самец), а дважды приносила корм назад, полетав с ним 5-8 мин.

Зеленые ветки она чаще приносила на 3-й день после вылупления второго птенца (5 штук 12.6 против 2 веток 9.6). При этом было замечено (особенно после постройки укрытия на соседнем с гнездом дереве), что она прикрывает ими помет птенцов, остающийся на наружном краю лотка. Впоследствии частота приноса веток также возрастала при скоплении в гнезде несъеденных остатков пищи. Как и в случае с тетеревиным, наши наблюдения подтверждают преимущественно санитарное значение зеленых веток на гнезде в начале периода выкармливания птенцов. Практически все ветки (по 3-5 ежедневно) приносит на гнездо самка. За все время наблюдений самец принес ветку лишь однажды. Преобладали веточки ели (43%) и осины (31%); берзовые и сухие ветки приносила реже (по 12%).

Питание птенцов ханжана в настоящих заметках не рассматривается.

Равномерность распределения гнездовых участков по исследованной территории, близость их расположения друг к другу, значительные размеры открытых охотничьих угодий, приходящихся на

каждую пару (в ср. 200-250 гв), и другие признаки свидетельствуют, что мы имеем дело с насыщенной популяцией канюка, вероятно, достигшей пределов экологической емкости угодий стационара.

Осоед (*Perisoreus inornatus*). В пределах стационара учтено 4 гнездовых участка. Для достоверных суждений об их ежегодной обитаемости материалов недостаточно. К тому же путаницу привносит привычка осоедов иметь в пределах участка 2-3 гнезда, регулярно подновляемых свежими зелеными ветками. При этом находка одного из них без кладки или птенцов может означать либо основным гнездом неразмножающейся пары (если год малокормный), либо летней резиденцией самца.

Участок Ос-1 захватывает сразу две системы крупных вырубок — Меридиональных и Горизонтальных. В некоторых наблюдениях прослежен перелет одной и той же птицы с вырубки на вырубку в обоих направлениях. В 1972 г. жилое гнездо располагалось, вероятно, на восточной опушке Меридиональных вырубок к югу от Катромского озера. Здесь 17.7.72 нашли совершенно свежее гнездо осоеда, выстланное толстым слоем облиственных осиновых, березовых и ольховых веточек, с прекрасно выраженным глубоким (до 25-30 см) котлом, но... без кладки и птенцов. По нашим предположениям гнездо это принадлежало самцу. В 1973 г. жилое гнездо Ос-1-73 было обнаружено в небольшой лесной "острове" у с-а. края Горизонтальных вырубок. 1.6.73 гнездо было подновлено и несколько надстроено (в 1971 и 1972 гг. оно было пустым), с него слетел осоед. Но кладки еще не было, и потревоженные птицы покинули облюбованное было гнездо. На этом участке 30.5.73 отмечали характерные брачные игры осоедов: с трепетанием "по-пустельжинному" в воздухе, забрасыванием крыльев за спину, глубокими вырками с вытянутыми перед собой лапами, волнообразным полетом над лесом.

Постоянно в 1972, 1973, 1974 и 1976 гг. пару осоедов (Ос-2) встречали в районе высоковольтной линии к ю-з. от Центральной поляны, но гнезда так и не нашли. Здесь под вечер 17.6.73 спугнули осоеда из-под ивового куста, где он в самом его основании, у корней раскопал осиное гнездо на глубине 10-15 см. Судя по примятой траве, хищник около 5 м подбирался к гнезду пешком, то ли выслеживая полет ос снизу из травы, то ли ориентируясь на слух. Позднее (17.7.73) неподалеку нашли еще одно гнездо

ос, выкопанное с глубины 12-14 см.

Только в 1972 г. осоедов регулярно отмечали к с-в. от д. Дор (участок Ос-3). В другие годы их здесь не видели.

Постоянно пара осоедов обитала в районе Красивого брода на р. Жаровке к ю-з. от Центральной поляны (участок Ос-4). Здесь ежегодно с 1972 по 1976 гг. видели и самих птиц, и их брачные игры (28.5.74), находили принадлежащие им, вероятно, нежилые гнезда. В 1975 г. удалось найти обитваемое гнездо осоеда на высоте (22 м) или всего в 7 м от дороги Центральная поляна - мельница. Гнездо устроено высоко (14 м от земли) сбоку у ствола; легко доступно, поскольку ветви начинаются в метре от земли. В июне 1975 г. в нем было 2 яйца. Это же гнездо, чуть подновленное, оказалось занятым осоедами и в 1976 г. 1 июля в нем еще была кладка из 2-х яиц, дальнейшая судьба которой не прослежена. При посещении гнезда насиживающая птица слетела молча, когда группа приблизилась на 15-20 м к гнездовому дереву. Не проронив ни звука, она просидела на одном из соседних деревьев в течение получасового осмотра и описания гнезда.

Судя по отдельным встречам осоедов на лесной опушке к р. Пундога летом 1972 г., еще одна пара (Ос-5), возможно, обитала в с-з. углу стационара или неподалеку от его границы.

Всего нам довелось найти только три достоверно занимаемых осоедами гнезда. Но любопытно, что все они располагались на высоте 14 м, т.е. на 2 м выше самых высоких гнезд конька и почти на 6 м выше средних для него значений этого показателя.

Гнездовые участки осоеда больше, чем у конька. Их протяженность достигает 3-4 км; расстояния между примерными геометрическими центрами - 3-5 км; размеры охотничьих участков - около 400 (Ос-2), 550 (Ос-4) и 800 (Ос-1) га.

Скопа (Pandion haliaetus). Единственная пара скоп (С-1) живет на Катромском озере. Ее видели здесь ежегодно. Во время нашей стоянки в прибрежном лагере 17-22.7.72 скопа почти каждый день охотилась в западной части озера. 17.7 в 18 час. она с первой же попытки выхватила из воды светлую рыбу (видимо плотву) длиной около 20 см и понесла ее напрямик к с-в. берегу. На следующий день охота была неудачной - на скопу постоянно нападали крачки и малые чайки. 19.7 скопу вновь видели летящей к с-з.

40

побережью. Здесь, в заболоченном, кочковатом, заваленном буреломом ельнике-согре с отдельными высокими плосковершинными соснами были предприняты настойчивые поиски гнезда. Но, увы, безрезультатные, хотя птицу во время прочесов и видели, и слышали.

В 1973, 1974 и 1976 гг. скопу наблюдали у западного берега реже. Судя по направлению полетов, ее гнездовье, возможно, переместилось на с-в. побережье озера за пределы нашего стационара.